Анастасия Наумова

Рецепт женского счастья

по-лопухински

Анастасия Наумова

Рецепт женского счастья по-лопухински

«Автор»
2026

Наумова А.

Рецепт женского счастья по-лопухински / А. Наумова — «Автор», 2026

Десять лет назад четыре подруги из деревни Большие Лопухи поклялись: если к 30 годам не выйдут замуж за олигархов, они откроют элитный санаторий.Спустя годы девушки покупают заброшенный особняк и запускают «Санаторий "Катарсис"». Их гениальная концепция — «тяжелая деревенская терапия» для выгоревших богатеев. Вместо медитаций — дойка бодливой козы Зинаиды, вместо йоги — перетаскивание бревен, а вместо психолога — сеансы вселенской скорби.Чтобы легализовать бизнес, подругам нужно впечатлить важного чиновника, но в день его приезда коза съедает его удостоверение, а гуси берут машину в осадку. Ироничная история о том, как продать деревенскую грязь по цене премиального ретрита и найти счастье там, где коров больше, чем людей с высшим образованием.

© Наумова А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

ПРОЛОГ 5
Конец ознакомительного фрагмента. 10

Анастасия Наумова
Рецепт женского счастья по-лопухински

ПРОЛОГ

В четыре утра Большие Лопухи встречают новый день.

Рассвет здесь — не просто смена дня и ночи. Сначала над рекой ложится густой туман. Он съедает заброшенный особняк у излучины, оставляя торчать только ржавый флюгер-петушок. Потом небо на востоке начинает медленно теплеть: от сизого к лиловому, от лилового к персиковому. И только после этого, когда туман уже почти решается уползти, из-за кромки леса выкатывается солнце. Оно бьет лучами по мокрым от росы цветам. Цветы вздрагивают, роняют бриллиантовые капли, и деревня просыпается не от петухов, а от запаха мокрой травы и парного молока.

За спиной гудела музыка школьного выпускного. Басы бились в грудную клетку, напоминая о том, что там, в актовом зале, кто-то всё ещё пытается танцевать под ремикс «Руки Вверх», а кто-то уже рыдает в туалете, смывая косметику вместе с надеждами на поступление в Москву.

Выйдя на свежий воздух, девочки сразу ощутили запах сырой землёй и скошенной травой. Дух выпускного стоял даже на улице. Четыре подруги, кутаясь от утренней прохлады, двигались по просёлочной дороге, ведущей к реке.

Маша шла первой. В руках она несла небольшую шкатулку. Следом, спотыкаясь о корни, семенила Катя.

— Девочки, а может, не надо? — просопела Вера. — У меня предчувствие. Птичка дурная накричала.

— Без паники, — бросила через плечо Катя. — Твоя птичка — это соседский петух. Он всегда орет дурниной.

Даша шла последней, держа перед собой смартфон. Экран светился в темноте, освещая её скептически прищуренные глаза. Она снимала спины подруг.

— Контент, — бормотала она себе под нос. — «Четыре грации идут навстречу судьбе». Или «Бегство из плена». Хэштеги потом придумаю. Главное — ракурс. Маш, ты можешь идти чуть левее? У тебя так силуэт интереснее.

— Даша, убери телефон, — сказала Вера. Её голос звучал так, будто она только что прочла главу из романа Достоевского вслух пустой комнате. — Мы совершаем ритуал. А ты фиксируешь бытовуху. Это профанация.

— Это архив, Вера, — не отрывая взгляда, отвечает Даша. — Смотрите, как туман жрет флюгер. Готичненько. Через десять лет ты будешь благодарить меня за эти кадры. Когда мы станем богатыми и известными. Или когда мы будем продавать этот ролик на «Ютубе» как документальное кино о деградации провинциальной молодёжи.

Маша останавливается.

— Пришли.

Катя села на камень, наконец-то сняв туфли.

Здесь, на окраине деревни было тихо. Они остановились на берегу сонной реки. Вода медленно текла, отражая редкие звёзды. Рядом росла старый дуб. Напротив них, на том берегу, темной глыбой нависал особняк. Сквозь редкие кусты ивы, растущие вдоль берега, проглядывал тёмный силуэт здания. Старый, двухэтажный дом с колоннами, которые когда-то, наверное, были белыми. Окна заколочены досками, а второй этаж, казалось, жил своей отдельной, мрачной жизнью. Местные говорили, что там живёт призрак купца, который утопил жену.

— Капать будем тут, — Маша тычет мысом туфли в землю около корней дерева.

— Я копать не буду, — Даша наконец убирает телефон. — У меня маникюр. Я в Москву через неделю.

— В какую Москву, — Маша смотрит на нее как на сумасшедшую. — У тебя денег даже на билет до Воронежа нет.

— Заработаю! — Даша вскидывает подбородок. — Я буду вести соцсети за деньги.

Катя и Вера прыскают, прикрывая рты ладонями. Маша даже не улыбается. Она переводит взгляд на Катю.

— Копать будем вскладчину, — рубит Маша. — По пять минут. Кто не копает — тот пишет письмо.

Вера театрально заламывает руки, едва не потеряв равновесие. — Я! Я напишу! У меня душа плачет по перу!

Маша кивает на нее, — я начинаю, копаю пять минут. Потом Катя. Потом ты. Вера последняя.

Она достала из пакета маленькую садовую лопатку, которую стащила у матери из сарая. Лопатка была ржавой, с отломанным краем, но вполне функциональной.

— Серьёзно? — подняла бровь Даша. — Мы собираемся закопать свою судьбу детской лопаткой?

— Это единственное, что у нас есть, — пожала плечами Маша. — Или ты предлагаешь копать руками?

— Я предлагаю вообще не копать, — сказала Даша. — Давайте просто напишем письмо, сожжём его и развеем пепел. Эффективнее. И меньше шансов, что кто-то найдёт и посмеётся.

— Нет, — твёрдо сказала Вера. — Письмо должно лежать в земле. Оно должно питаться корнями. Стать частью этого места. Чтобы, когда мы его выкопаем, оно было заряжено энергией земли.

Прокопав 5 минут, Маша передала лопатку Кате. Вздохнув, девушка взяла лопатку и вгрызлась в землю.

— Я ненавижу землю, — бормочет Даша, присаживаясь на корточки и обхватывая колени. — Она липкая. И пахнет смертью.

— Пахнет жизнью, — Катя не сбивает ритма, и от этого ее движения похожи на какой-то первобытный танец. — В ней всё растет. Вот посадим кабачок, а он ка-ак вымахает…

Катя вздохнула, передала лопатку Даше и села прямо на сырую траву.

— Шкатулка готова, — объявила Маша. Лакированная, с облупившейся фарфоровой балериной на крышке. — Теперь нам надо написать письмо. Кто пишет?

— Я, — вызвалась Вера. — У меня самый красивый почерк. И я умею формулировать мысли возвышенно.

— Пиши, — кивнула Маша.

Писали на вырванном из тетради по алгебре листе.

Торг за условия начался, когда Катя, тяжело дыша, передала лопатку Даше.

— Пункт первый. Срок. Клятву выполняем к тридцати годам.

— Почему к тридцати? — спросила Катя. — Это же так далеко.

— Потому что к двадцати пяти мы ещё будем дурами, — объяснила Маша. — А к тридцати должны стать умными. Или богатыми. Или и то, и другое.

— Пункт второй, — продолжила Маша. — Цель. Если к тридцати годам хотя бы одна из нас не выйдет замуж за олигарха и не уедет из Больших Лопухов навсегда...

— Что значит «навсегда»? — уточнила Даша. — Если я уеду учиться в Москву, но вернусь на лето к родителям, это считается?

— Нет, — отрезала Маша.

— Пункт третий, — Маша остановилась и посмотрела на особняк. — Если условие не выполнено... то есть, если мы все останемся здесь, бедные и незамужние за миллионерами... мы покупаем этот особняк. Вскладчину.

— Этот руины? — переспросила Катя. — Он же развалится.

— Мы его отреставрируем, — сказала Маша. — И откроем там санаторий. Для богатеев.

— Санаторий? — переспросила Вера. — Для кого?

— Для тех, кто устал быть богатым, — объяснила Маша. — Для олигархов, которые выгорели. Которым надоела випассана и йога. Мы продадим им настоящую деревенскую жизнь. Тяжёлую. Настоящую.

— Ты хочешь заставить богатых людей доить коров? — уточнила Даша, и в её голосе впервые прозвучал искренний интерес.

— Именно, — кивнула Маша. — И чистить курятник. И колоть дрова. За большие деньги.

— Это гениально, — медленно произнесла Даша. — Это настолько тупо, что может сработать. Люди платят за страдания, если они упакованы в премиум.

— Значит, решено, — сказала Маша. — Если к тридцати мы не сбежали отсюда в роскошь, мы строим здесь бизнес. На свои. Вскладчину.

— А если одна сбежала, а остальные нет? — спросила Катя.

— Тогда та, что сбежала, финансирует проект, — быстро ответила Маша. — Но остаётся совладельцем.

— А если никто не сбежал?

— Тогда работаем все четверо.

Вера вздохнула и начала писать.

— Хорошо. Но формулировки должны быть поэтичными. Нельзя просто сказать «санаторий для богатеев». Это вульгарно.

— Пиши как хочешь, главное — суть, — махнула рукой Маша.

Вера писала, остальные молча наблюдали. Туман поднимался от реки, окутывая ноги девушек белой пеленой.

Катя, смотрела на реку. — Девочки, — сказала она тихо, и голос у нее дрожал, как натянутая струна. — Давайте напишем, чтобы у нас всё было хорошо. И чтобы мы дружили. Я вас очень люблю. Вы у меня самые-самые.

Катя достала из пакета бутылку шампанского. Открыла её с громким хлопком, который эхом отразился от воды.

— За клятву, — предложила она, разливая пенящуюся жидкость в пластиковые стаканчики, которые тоже были в пакете.

— За свободу, — поправила Вера, принимая стакан.

— За деньги, — сказала Даша.

— За порядок, — добавила Маша.

Они выпили. Шампанское было тёплым и кислым, но в тот момент казалось нектаром богов.

Вера закончила писать. Прочитала вслух:

«Мы, четыре сестры по духу, Маша, Катя, Вера и Даша, находясь в здравом уме и твёрдой памяти, хотя и под воздействием алкоголя и юношеского максимализма, заключаем сей договор с самими собой.

Обязуемся к достижению нами возраста тридцати лет (то есть к 2025 году) выполнить следующее условие: каждая из нас либо выходит замуж за мужчину, чье состояние превышает один миллиард рублей (далее — Олигарх) и навсегда покидает пределы деревни Большие Лопухи.

В случае, если хотя бы одна из нас не выполняет данные условия, мы обязуемся объединить наши финансовые ресурсы и приобрести в собственность заброшенный особняк, расположенный на берегу реки Лопуховки (бывший дом купца Каратова).

На базе данного объекта мы обязуемся открыть элитный оздоровительный центр (санаторий) для лиц с высоким уровнем дохода, страдающих от экзистенциального кризиса и профессионального выгорания. Концепция центра: «Тяжёлая деревенская терапия».

Подписи:

Маша: _____

Катя: _____

Вера: _____

Даша: _____»

Они по очереди подписали лист. Почерки были разными: у Маши — крупный, угловатый, как почерк бухгалтера; у Кати — круглый, детский, с завитушками; у Веры — изящный, каллиграфический; у Даши — быстрый, неразборчивый, как рецепт врача.

— Готово, — сказала Вера, складывая лист вдвое, затем вчетверо.

Маша взяла лист, положила его в шкатулку. Закрыла крышку.

— Теперь закапываем, — командным тоном сказала она.

Они подошли у дубу.

— Клади, — сказала она Вере.

Вера осторожно опустила шкатулку в яму. Балерина на крышке смотрела вверх, в рассветное небо.

— Прощай, юность, — прошептала Вера.

— Привет, будущие миллиардерши — пробормотала Даша.

— Главное — не забыть место, — сказала Катя, глядя на ямку с тревогой. — А вдруг мы забудем?

— Не забудем, — уверенно сказала Маша. — Я запомню.

Она начала засыпать ямку землёй. Утрамбовала ногами. Сверху набросала веток и листьев, чтобы скрыть следы.

— Всё, — выдохнула она. — Дело сделано.

Они стояли молча, глядя на свежевскопанную землю. В этот момент не было ни шуток, ни иронии. Было только странное, щемящее чувство сопричастности чему-то большому и необратимому. Они только что связали свои жизни невидимой нитью. Нитью, которая могла привести их либо к свободе, либо к этому самому особняку на том берегу реки.

Выпускной закончился, аттестаты получены, в животе плещется шампанское. Впереди — жизнь, которая кажется им отсюда, с берега, золотой.

Вдруг из кустов послышался шорох. Девушки вздрогнули.

Из темноты вышел мужчина. Старый, в резиновых сапогах и телогрейке. С удочкой в руке. Рыбак.

Он посмотрел на них мутными глазами.

— Чего тут делаете? — спросил он хрипло.

— Ничего, — ответила Маша. — Рассвет встречаем.

Рыбак хмыкнул, развернулся и исчез в кустах так же бесшумно, как появился.

— Пойдёмте домой, — сказала Маша. — Уже светает.

— Знаете, — говорит Катя, глядя на темную воду, по которой побежала первая золотая дорожка от солнца. — А мне не нужны олигархи. Лишь бы вы были рядом. И чтобы дети…

— Никаких детей, — отрезает Даша, вытирая руки о траву. — Я в Москву. Там хотя бы кофе нормальный.

— Я не буду, — говорит Даша.

Они побрели обратно к школе. Ноги гудели, платья были испачканы, в волосах запутались листья. Но внутри горел огонь.

***

Они ещё не знали, что Даша так и не уедет в Москву, а останется жить с родителями, работая на московскую контору удалённо. Что Катя родит четверых детей, двух двойняшек, и забудет, как выглядит лицо без детского пюре на плече. Что Вера разведётся с мужем, который окажется вовсе не поэтом, а простым алкоголиком, и будет жить в соседнем доме, наблюдая за его новой семьёй. Что Маша выйдет замуж за вахтовика, родит двоих детей и будет строить баню своими руками, потому что муж вечно в отъезде.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.